

Войдя в дом, Ван Ин без утайки поведал о том, как зародился и воплощался их план. Слушая его, тётушка Чэнь Жун лишь изумленно прицокивала языком.

— Мы с Цинъянем впервые столкнулись с подобным коварством и, признаться, были напуганы до глубины души. Поначалу хотели сразу бежать в управу, но рассудили, что без веских улик чиновники нам не поверят. Матушка нравом кротка и в таких делах не сведуща, а надежного заступника из старших рядом не оказалось. Вот и решили: единственный выход — писать Четвертому дяде, моля его приехать и восстановить справедливость.

Чэнь Цзин, поглаживая бородку, задумчиво кивнул. Его взгляд, пронзительный и оценивающий, замер на Ван Ине.

«Этот гэ'эр непрост. За столь короткий срок сплести столь искусную сеть, проявить такую дерзость и хладнокровие, чтобы заманить в ловушку всю семью Второго брата... Ум его явно превосходит обыденный»

Чэнь Жун, разрываясь между смехом и слезами, шутливо шлепнула племянника по плечу:

— Ах ты, негодник! До смерти меня напугал!

Чэнь Цинъянь сконфуженно потер кончик носа:

— Всё случилось слишком быстро, я не успел предупредить тётушку. Прошу, не сердитесь на меня за это.

— Да как я могу сердиться? — Чэнь Жун с покрасневшими глазами поправила ворот его халата. — Главное, что ты жив и здоров, для меня это дороже всего.

Госпожа Ли, поставив на стол поднос с дымящимся чаем, тяжело вздохнула:

— Как же теперь быть с семьей Второго брата?

Вопрос и впрямь был непростым. Согласно законам династии У, пускай Чэнь Бяо и не довел дело до конца, избежав смертной казни, но от сурового наказания ему не уйти: восемьдесят ударов палками и ссылка за тысячу ли. В его-то годы после такой порки и выжить вряд ли удастся.

Как бы ни был Чэнь Цзин разгневан на брата, проявить такую жестокость к родному человеку он не мог.

Ван Ин украдкой подал знак мужу, и Чэнь Цинъянь поспешно заговорил:

— Второй дядя поступил дурно, но, как ни крути, мы одной крови, из рода Чэнь. Кровные узы не разорвать единым росчерком пера, а потому прошу Четвертого дядю быть к нему милосердным.

Видя такую рассудительность племянника, Чэнь Цзин лишь еще больше преисполнился отвращения к старшему брату.

— Не тревожься об этом. Четвертый дядя обещает: справедливость восторжествует, но и чести семьи мы не уроним.

Услышав это, юноша облегченно выдохнул. Теперь, когда маски сброшены, следовало придавить врагов так, чтобы впредь им и в голову не пришло вредить его семье.

Если о Чэнь Бяо еще можно было спорить, то за челядь семейства Тянь просить было некому.

Яд принес Тянь Сяолю, в пищу его подмешала Старуха Тянь — таким вероломным слугам, предавшим хозяев, места в доме не было. Их немедленно отправили в управу, дабы там свершили суд по всей строгости закона.

Когда за ними пришли стражники, Тянь Сяолю тут же лишился чувств от страха, а Старуха Тянь рухнула на колени, расшибая лоб оземь и моля госпожу о пощаде. Даже через несколько закрытых дверей были слышны её надрывные крики:

— Госпожа, помилуйте! Семнадцать лет я верой и правдой служила вам! Смилуйтесь хоть в этот раз!

Госпожа Ли отвернулась, украдкой утирая слезы. На сердце у неё было горько: семнадцать лет бок о бок — за такой срок и к кошке привыкнешь, не то что к человеку. Однако чем крепче была привязанность, тем горше было разочарование. Она никак не могла взять в толк: почему Матушка Тянь, которой она так доверяла, пошла на сговор с Чэнь Бяо ради гибели её сына?

Постепенно вопли снаружи затихли — эта позорная сцена подошла к концу.

Дядя Чэнь распорядился разобрать поминальный навес и сорвать желтые ленты с ворот. Когда последние гости разошлись, во дворе воцарился привычный покой. Вот только группа старых монахов всё не уходила, дожидаясь оплаты.

— Амиабха, благодетель, — пропел один из них. — Не соизволите ли расплатиться за поминальные службы?

Старик изобразил на лице крайнее недоумение:

— Расплатиться? С какой стати я должен вам платить? Кто вас звал, с того и спрашивайте.

— Но... Второй господин Чэнь схвачен стражей, как нам получить с него деньги?

— У него есть сын, вот к нему и ступайте.

— Но мы же читали сутры за упокой вашего молодого хозяина!

— Что за речи? Наш молодой хозяин жив-здоров, к чему ему ваши молитвы за упокой?

В этот момент из дома вышел Ван Ин, и монахи тут же обступили его:

— Благодетель, молитва не бывает напрасной, неужто не подадите хоть малую толику?..

— Довольно, — он холодно оборвал их. — За эти годы вы вытянули из моей свекрови немало серебра, так что пара дней молитв — невеликая плата за вашу алчность. А если желаете спорить, пойдете в управу, пусть нас рассудит закон!

Монахи переглянулись и, почуяв неладное, поспешили ретироваться, предпочтя проглотить эту обиду.

После ужина Ван Ин отвез Чэнь Цинъяня в его покои.

— Как думаешь, твой Четвертый дядя не отпустит Чэнь Бяо втихомолку? Всё же они братья.

— Едва ли. Четвертый дядя — человек чести и слова. Если сказал, что виновный ответит, значит, так оно и будет.

— Это радует. А то выпустим ирода, и будем всю жизнь оглядываться.

— Спасибо тебе, — Цинъянь обернулся и посмотрел на находящегося за спиной супруга.

— Да брось, за что тут благодарить? — Ван Ин лукавил — он старался не только ради мужа. Сейчас его жизнь была неразрывно связана с семьей Чэнь, и любые их беды стали бы его собственными.

— Нет, я должен это сказать. Если бы не ты, я бы уже давно был мертв, а матушке и младшим пришлось бы несладко.

— Раз уж тебе так хочется отплатить, подари мне несколько му земли.

— Какой земли?

— Из тех угодий, что принадлежат поместью. Мне и трех-пяти му хватит за глаза.

Цинъянь искренне удивился:

— Но ведь все земли в поместье — наши. Пользуйся любой, когда пожелаешь.

— Это совсем другое... Ладно, забудь пока.

«Здоровье Цинъяня еще не до конца восстановилось, да и собственные лавки пока существовали лишь на бумаге, а еще предстояло открыть частную школу для мужа. Когда он окрепнет и захочет взять себе настоящую жену, я сам предложу развод и уйду, забрав эти несколько му земли как вознаграждение»

Дождавшись ночи, Ван Ин наконец-то выкроил время, чтобы заглянуть на экспериментальное поле. Из-за домашних хлопот он совсем забросил свои посадки и теперь гадал, как они там. По привычке подхватив одеяло, он уже собрался устроиться на полу, как вдруг Чэнь Цинъянь тихо кашлянул:

— Ночи нынче холодные, не стоит спать на полу...

— И то верно! Как раз западный флигель привели в порядок, переберусь-ка я сегодня туда.

Ван Ин, подхватив свои пожитки, стремительно вышел из комнаты. Его муж хотел было что-то добавить, но дверь захлопнулась, и он лишь разочарованно вздохнул.

«Похоже, я совсем не нравлюсь Ван Ину...»

Этот брак не был добровольным. Помнится, Ин-эр даже в реку бросился, лишь бы не идти за него. Раз он так тяготится этим союзом, не лучше ли со временем дать ему вольную, чтобы не губить молодую жизнь?

Молодой человек перевернулся на бок. Глядя на пустое место на полу, залитое лунным светом, он почувствовал, как в сердце закралась необъяснимая тоска. За два месяца он так привык, что Ин-эр всегда рядом. Теперь же в комнате стало невыносимо тихо, лишь звук собственного

дыхания нарушал тишину, навевая тревожные мысли.

— Уф!

Цинъянь откинул одеяло и, опираясь на спинку кровати, сел, решив зажечь лампу и почитать. Но в этот миг в дверь негромко постучали.

— Тук-тук... Цинъянь, ты спишь?

— Нет... не сплю.

— Тогда я вхожу! — Ван Ин, обнимая свернутый матрас, на цыпочках проскользнул в комнату.

— Ты же собирался спать во флигеле? — В темноте он и не заметил, как в его голосе прорезались радостные нотки.

— Тут такое дело... Странно, но в той комнате я никак не мог попасть на свое поле. Похоже, одно из условий доступа — находиться именно здесь.

Глаза Чэнь Цинъяня блеснули, а уныние мгновенно улетучилось.

— Тогда ложись здесь.

Ван Ин перевел взгляд с пола на кровать. Вечно спать на досках — затея плохая, ночи с каждым разом всё холоднее, так и ревматизм недолго заработать.

— Давай договоримся: можно мне лечь с тобой?

Счастье свалилось на Цинъяня так внезапно, что он даже заикаться начал:

— К-конечно... Мы ведь законные супруги, спать в одной постели — дело самое что ни на есть естественное.

— Вот и славно! — Ван Ин пропустил мимо ушей слова о «супругах» и, скинув обувь, мигом юркнул под одеяло. — Я лягу с краю, чтобы тебе было удобнее вставать ночью.

— Хорошо...

Ван Ин развалился на кровати, заняв едва ли не половину места.

— А кровать-то знатная, просторная! Сплю я беспокойно, так что если начну храпеть — толкай не стесняйся.

— Ничего страшного.

Он принялся стаскивать верхнюю одежду, а когда рука потянулась к завязкам исподнего халата, Цинъянь не на шутку перепугался и поспешно перехватил его ладонь:

— Не... не надо больше ничего снимать! Давай так спать.

— Это еще почему? Неужто стесняешься? Да ладно тебе, чем гз'эры от мужчин отличаются? У тебя всё то же самое, что и у меня.

Лицо Цинъяня залила краска:

— Завтра я найду тебе одну книгу, прочтешь — и сам всё поймешь.

Ван Ин придвинулся ближе:

— Да ты так расскажи.

— Нет.

— Стесняешься всё-таки?

— Вовсе нет...

Юноша легонько коснулся его щеки:

— Кожа аж горит, а говоришь — не стесняешься.

— Ван Ин! Если не собираешься спать — марш отсюда!

— Хе-хе, ладно, ладно. Я на поле загляну, а ты завтра про книгу не забудь!

С этими словами он мгновенно исчез, словно растворился в воздухе. Чэнь Цинъянь посмотрел на опустевшую постель, прижал ладонь к бешено колотящемуся сердцу и невольно улыбнулся.

«Ах ты, разбойник...»

Тем временем Ван Ин, оказавшись на экспериментальном поле, не смог сдержать возгласа изумления:

— Вот это да!..

Неужто это и впрямь его надел?!

Над некогда обыденным участком земли возник огромный призрачный экран, мерцающий мягким светом. На нем красовалось название поля, подробное описание его истории и правила доступа.

[Экспериментальное поле №003]

[Связанные пользователи: Ван Ин, Чэнь Цинъянь]

[Уровень экспериментального поля: 1]

[Лимит времени: 60 минут в день]

[Способ активации: Поле привязывается и открывается после вступления в брак (при использовании владельцы не должны отдаляться друг от друга слишком далеко, иначе загрузка данных будет неполной)]

[Примечание: Данное поле является компенсацией за ошибку в пространственно-временном управлении. Просим владельцев использовать его по назначению]

«Надо же, оно привязано к нам обоим! — он озадаченно почесал затылок. — Выходит, если я съеду от Цинъяня, то потеряю доступ? Значит, я теперь от него ни на шаг?»

Впрочем, досада быстро сменилась восторгом, стоило ему изучить настройки. Оказалось, поле позволяло регулировать погоду, температуру, силу ветра и даже скорость роста растений!

«Боги, да это же почти божественное всемогущество!»

Температуру можно было выставить от сорока двух градусов жары до тридцати мороза, а солнце сменялось снегом по первому желанию. Что до скорости роста, то сейчас её можно было ускорить в полтора раза. Для помидоров, зреющих обычно четыре месяца, это означало урожай уже через восемьдесят дней!

«Вот это я понимаю — удача!»

Однако за ускорение приходилось платить — оно быстро истощало шкалу опыта поля. Если же растить всё в обычном темпе, опыт, напротив, понемгу прибавлялся. Сейчас надел был лишь первого уровня, и оставалось только гадать, какие чудеса откроются на втором.

Юноша от избытка чувств едва не пустился в пляс. Всё, решено! Ради таких возможностей он обязан удержать Чэнь Цинъяня!

Подумаешь, любовь с мужчиной... Делов-то! Справимся!

<http://bllate.org/book/15812/1428250>